АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

ЭТНИЧЕСКАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ АНТИКУЛЬТУРА: ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ И ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ НА МУНИЦИПАЛЬНОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЯХ

Кузьмина Н. В.

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Костромской государственный университет (Россия), 156005, Россия, г. Кострома, ул. 1 Мая, д.14, корп. Г1, crimelaw.@kstu.edu.ru

УДК 340.114.5(1-2/3)
ББК 67.05

Цель. Определить содержание понятия «этническая юридическая антикультура» и признаки данного явления, выявить правовые и иные предпосылки формирования и развития этноюридической антикультуры на муниципальном и региональном уровнях.

Методы. В исследовании применяются общенаучные методы: исторический, методы анализа и синтеза, дедукции и индукции. Среди частнонаучных следует назвать метод сравнительного правоведения, метод изучения материалов юридической практики.

Научная новизна. Автор одна из первых ставить вопрос о необходимости исследования явления этнической юридической антикультуры и ее структуры. Впервые раскрывается содержание данного понятия. Акцент делается на детерминационных связях этнической юридической антикультуры. Среди них автором выделяются правовые и иные факторы муниципального и регионального характера.

Результаты и область применения. В работе выявлены такие предпосылки формирования этнической юридической антикультуры как несовершенство нормативных правовых и подзаконных актов, принимаемых местными и региональными законодательными органами власти. Указывается на необходимость выработки стратегии развития эффективной национальной политики в субъектах Федерации и отдельных муниципалитетах.

Ключевые слова: антикультура, этнос, право, предпосылки, признаки, муниципалитет.

ETHNIC JURIDICAL ANTI-CULTURE: DEFINITION, SIGNS AND THE PREMISES OF FORMATION AT THE MUNICIPAL AND REGIONAL LEVELS

Kuz'mina N. V.

Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, Kostroma State University (Russia), 156005, Russia, Kostroma, 1 May str., 14/G1, crimelaw.@kstu.edu.ru

Purpose. Define the «ethnic juridical anti-culture» concept content and the signs of the concept, reveal the juridical and the other premises of ethnic juridical anti-culture formation and development at the municipal and regional levels.

© Кузьмина Н.В., 2017

Кузьмина Н. В.

Methods. In the research, scientific methods are applied: historical, the methods of analysis and synthesis, deduction and induction. Among the individual scientific methods, the method of comparative jurisprudence and lawyer practice casework should be termed.

Scientific novelty. The author is the earlier to face an issue of the necessity to research the ethnic juridical anti-culture phenomenon and its structure. The concept content of the term is revealed first. The determination relations of the ethnic juridical anti-culture are underlined. Among them, the author distinguishes jural and other factors of the municipal and regional format.

The results and field of application. In this research, such premises of the ethnic juridical anti-culture as the shortcoming of regulatory legal and subordinatory acts adopted by local and municipal legislative departments are revealed. There is the necessity of working out national policy development strategy in the regions of the Russian Federation and separate municipalities.

Key words: anti-culture, ethnis, law, premises, signs, municipality.

Различные проявления этнического девиантного и противоправного поведения требуют осмысления в контексте проблемы юридической антикультуры, поскольку представляют собой совокупность этноюридических антиценностей. В юридической науке общепризнанным считается положение, что рассматривать понятие и сущность юридической антикультуры следует только при ценностном подходе к правовому пространству в социальном смысле [1]. До определенного времени структурное изучение правовой антикультуры в отечественной правовой науке не предпринималось. Большинство работ были посвящены изучению ее прямой противоположности – правовой культуре. В середине 2000-х годов в работах ряда исследователей настаивается на необходимости рассмотрения таких проявлений юридической антикультуры, как правовой инфантилизм, деформация правосознания, правовой нигилизм и другие в определенной связке [2].

Соглашаясь с данными суждениями, считаем, что различные формы этнического поведения, не основанные на правовых ценностях и нормах, либо отклоняющиеся от последних, следует изучать в прямой связи друг с другом, причем как явления, представляющие собой звенья одной цепи. Эти звенья мы можем объединить в одно понятие – «этническая юридическая антикультура».

Под юридической антикультурой в науке понимается «определенное состояние и уровень развития правовой системы, которые проявляются в совокупности всех антиценностей, образующих деструктивный пласт права, правосознания и юридической практики. Поэтому ее можно определить как совокупность юридических антиценностей» [3]. Говоря об этноюридической антикультуре, следует, прежде всего, обращать внимание на ту совокупность антиправовых ценностей, которая сформировалась в рамках внеправовых обычаев отельных этносов, этнических групп или представителя конкретного этноса, этнического самосознания, этнической идеологии, конфликтной и противоправной этнической деятельности. Следовательно, под этноюридической антикультурой мы будем понимать совокупность этнических антиправовых ценностей.

Девиантные и противоправные виды этнического поведения имеют социально-правовые, экономические, политические, этические, психологические, конфессиональные и иные детерминанты в обществе, которые формируются, в том числе, и на муниципальном уровне. Именно они порождают и продуцируют «негативное» с точки зрения общественно-правовых ценностей этническое поведение. Последнее противопоставляет существующим в обществе правовым ценностям свои этнонациональные ценности, содержащиеся в различных национальных идеологиях, радикальном национализме, этнополитическом экстремизме, ваххабизме. Проявления национализма могут быть весьма разнообразными – от культурной реакции на определенные изменения в политико-правовой системе до политической доктрины, стимулирующей этнические группы и движения к конкретным действиям, в том числе и вооруженного характера. Что касается ваххабизма, то ваххабиты ставят своей целью исламизацию Северного Кавказа, включая Чечню и Дагестан.

Под ваххабизмом понимают фундаменталистское (салафитское) учение, которое направлено на чистоту древнего ислама, существовавшего со времени пророка Мухамеда и первых четырех халифов. Как отмечают исследователи, сущность неоваххабистской доктрины лежит не в религиозной и даже не в социальной, а в политической плоскости [4]. «Важнейшим моментом этой доктрины является специфическое представление о джихаде как непримиримой борьбе не только против язычников, но и против мусульман, не разделявших ваххабистские идеи»[5].

Сама по себе исламизация внесла раскол в чеченское общество. В период распада СССР и позднее

ваххабизм по большей части выступал механизмом в политической борьбе, ускорял криминализацию общества, в том числе в Чечне. Муфтий А. Х. Кадыров развернул борьбу с распространением ваххабизма, по его инициативе был создан в Грозном Конгресс мусульман Северного Кавказа, который призвал органы власти Северного Кавказа объявить ваххабизм вне закона [4].

Насколько серьезно определенная форма этнического противоправного поведения отклоняется от нормы права, либо противопоставляет ей свои нормы и ценности – это зависит и от конкретно-исторических предпосылок, и от социально-политических тенденций в стране, регионе и конкретном муниципалитете. Некоторые ученые усматривают в правовом нигилизме, т.е. в отрицании существующих правовых норм и предписаний, в отрицании в целом права как такового определенные положительные тенденции. Например, К. Г. Федоренко приходит к выводам «о позитивности правового нигилизма» и о том, что «чем выше уровень правового нигилизма, тем динамичнее право» [6]. Согласиться с данным мнением возможно лишь частично в плане способствования нигилистических установок поиску новых более совершенных юридически конструкций.

Этноюридической антикультуре присущи определенные признаки.

1. Она формируется и развивается в определенных конкретно-исторических условиях отдельного региона или муниципалитета и имеет своими детерминантами целый комплекс различных экономических и политических, нравственных и религиозных, юридических и иных конструктивных и деструктивных факторов.

2. Само по себе присутствие этноюридической антикультуры является показателем наличия в правовой системе страны, региона и муниципалитета пробелов и противоречий в правовых нормах, регулирующих различные межэтнические отношения, национально-культурное взаимодействие на местном и региональном уровнях, вопросы самостоятельности республик, округов, областей и иных субъектов Федерации в той или иной сфере государственного регулирования и т.п. Поэтому любые проявления этноюридической антикультуры (например, сепаратистские или конфликтные тенденции, региональные внеправовые обычаи и т.д.) наряду с другими факторами способствуют изменениям в различных общественных сферах: политической, правовой, социальной, экономической и других.

3. Любое проявление этноюридической антикультуры наносит социальный, материальный, моральный, физический вред и иной вред законным интересам личности, обществу, муниципалитету, региону и государству в целом.

4. К одному из важнейших признаков этноюридической антикультуры относится ее опасность. При определении степени общественной опасности следует учитывать тип (вид и подвид) этноюридической патологии (ксенофобия, национализм, радикальный национализм, сепаратизм, этнические гражданско-правовые и административные деликты, криминальная миграция представителей того или иного этноса, внеправовые этнические обычаи, экстремистские и террористические проявления, этнорелигиозный экстремизм, иные виды преступлений, совершенных по мотиву национальной или расовой ненависти или розни).

5. Противоправные и преступные формы этнического поведения выступают в качестве юридических фактов, порождающих юридические отношения, либо их изменяющих и прекращающих, являются основаниями привлечения к юридической ответственности.

6. Этноюридическая антикультура и ее отдельные виды и подвиды могут проявляться в различных сферах общества и в любом элементе его правовой системы (например, национальном праве, этническом правосознании и его деформированных формах, национальной идеологии, религии, правотворческой практике муниципального или регионального уровней и порождаемых ей правоотношениях).

7. По мнению В. Н. Карташова, «всем деструктивным феноменам, составляющим структуру юридической антикультуры, присуща определенная массовость, устойчивость, повторяемость при сходных внешних и внутренних, объективных и субъективных условиях развития общественной жизни» [3]. Это высказывание можно отнести и ко всем деструктивным формам этноюридической антикультуры.

Этноюридическая антикультура как социально-правовое явление имеет определенную структуру. По мнению В. Н. Карташова, структура юридической антикультуры – это такое ее «строение, расположение основных ее элементов и связей (генетических, функциональных, временных и др.), которое обеспечивает целостность и сохранение необходимых свойств при воздействии на нее внешних и внутренних факторов реальной действительности» [3]. Этот вывод также можно применить и к структуре этноюридической антикультуры.

Важно заметить, что любая форма этноюридической антикультуры (к примеру, радикальный национализм, этнический конфликт, кровная месть, сепаратизм) является полиструктурным формированием. В ее состав, по меньшей мере, входят такие структуры, как логико-философская, генетическая, функциональная, стохастическая, временная и иные структуры.

Логико-философская структура является, на наш взгляд, стержневым элементом в структуре этноюридической антикультуры, поэтому остановимся более детально на ее содержании.

Данная структура позволяет выявить взаимосвязь отдельных элементов и целой системы, частей и целого, содержания и отдельных форм этноюридической

антикультуры. Объединение всех ее элементов в единое целое и образует содержание этноюридической антикультуры.

Логико-философская структура этноюридической антикультуры состоит из двух основных элементов: объективной и субъективной сторон, неразрывно связанных между собой. Объективная сторона этноюридической антикультуры представляет собой вид неправомерного поведения этнических групп или отдельного их представителя как субъектов права. Субъективная же сторона – это содержание правового сознания субъектов межэтнических правоотношений, которое может иметь дефекты и различного рода предубеждения. Последние выступают мотивом осуществления неправомерной деятельности этнических групп и их представителей в правовой системе в виде административных деликтов или этнической преступности. Различные виды деформаций правосознания этнических групп или отдельного представителя этноса часто не всегда проявляются в конкретных противоправных действиях, поэтому не всегда заметны другим людям. Но только когда эти деформации проявляются через свою внешнюю сторону в противоправных действиях, то этноюридическая антикультура обнаруживают себя, становится доступной для непосредственного восприятия окружающими людьми и обществом, их оценки и соответствующего реагирования. Юридическая антикультура этнических групп как субъектов права через их неправомерное поведение расширяется в результате подражания ей людей с низким уровнем правового сознания и несет в общество различные деструктивные формы поведения и деятельности. Этноюридическая антикультура субъектов права, как и правовая культура, может материализоваться через конкретные предметы, символы, идеологию. В связи с этим правомерно будет заметить, что этноюридическая антикультура характеризует правовую систему с противоположной, чем правовая культура, стороны, именно в плане наличия в ней деструктивных элементов и свойств.

Поскольку этноюридическая антикультура является видом юридической антикультуры, то ей присущи и основные свойства последней. Как правильно отмечает профессор В. Н. Карташов, «следует обратить внимание, что антикультура находит выражение во всех институциональных элементах юридической деятельности, а именно: в ее носителях, их деформированных или противоправных действиях и операциях, неграмотном или ошибочном использовании соответствующих средств (техники) и способов (тактики), неумении планировать и прогнозировать свое поведение (стратегии), достигнутых негативных (вредных) результатах, которые образуют антикультурный юридический массив.

Для антикультуры также присущ своеобразный негативный юридический опыт, который накапливается в процессе подготовки и издания правовых актов, их толкования, систематизации, реализации. Он представляет собой комплекс «образцов», прежде всего, неграмотных, нецелесообразных, бесполезных, незаконных и вредных антиправовых решений (актов)» [3].

Важно обратить внимание на содержание этноюридической антикультуры. Здесь следует выделить следующие деформации правосознания этнических групп и представителя отдельного этноса:

1) погрешности в некоторых познавательных процессах, приводящих к таким явлениям как этноцентризм, национализм, этнополитический экстремизм и другие явления;

2) дефекты мотивации, неверные установки, провоцирующие, например, на совершение преступлений по мотивам национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды;

3) заблуждения в прогнозах о будущем отдельного этноса или нации в связи, например, с обретением суверенитета;

4) изъяны в волеизъявлениях и эмоциональная неустойчивость;

5) противоречия в знаниях относительно способов урегулирования межэтнических разногласий и конфликтов;

6) неверные оценки о силе, знаниях и представлениях, сущности культуры другого этноса;

7) неверные интеллектуальные и волевые решения относительно положения национальных меньшинств и диаспор. Например, Закон о реабилитации репрессированных народов 1991 года [7] актуализировал проблему Пригородного района и части Владикавказа, переданных Северной Осетии после упразднения Чечено-Ингушской АССР и депортации ингушей в 1943–1957 гг. Данный Закон сформировал правовую основу для выдвижения территориальных претензий и радикализировал осетино-ингушские межнациональные отношения;

8) ложные суждения, понятия, идеи, теории и концепции, например, различные теории идеологической идентичности.

Рассмотренные выше деформации этнического правосознания и подсознания становятся структурными элементами этноюридической антикультуры только в том случае, ели они объективируются через те или иные правоотношения, нормы права либо юридическую практику.

Этноюридическая антикультура имеет функциональную структуру. Значимость ее состоит в том, то она выявляет связи между конкретными деструктивными явлениями (этнорелигиозным экстремизмом, пробелами в национальном и региональном законодательстве, правонарушениями на почве ненависти), их отдельными элементами (действиями отдельных представителей этноса или конкретной этнической

группой, используемыми ими средствами) и этноюридической антикультурой в целом. Здесь следует отметить, что сама этноюридическая антикультура выступает деструктивной детерминантой по отношению к иным системам общества, например, к экономической или политической системам.

Изучение временной структуры направлено на рассмотрение внутренних характеристик этноюридической антикультуры, ее конкретных проявлений в различные исторические периоды. Результаты детального анализа временной структуры могут явиться основой осмысления различных этнических аномалий и их последовательности во времени. Данные аномалии в своем развитии зачастую становятся почвой для этнических деликтов и преступности.

Юридическая антикультура имеет еще одну структуру – стохастическую. Данный вид структуры можно выделить и в этнической юридической антикультуре как одной из разновидностей юридической антикультуры. Стохастическая структура позволяет в изучаемом нами явлении определить, какие признаки, черты, связи этноюридической антикультуры являются существенными, а какие несущественными или случайными в тот или иной исторический период. Например, этническая противоправная деятельность на стыке XX и XXI веков в подавляющем большинстве случаев является деятельностью больших или малых этнических групп. В связи с этим среди иных характеристик субъектов данных преступлений можно выделять такой признак, как совершение преступления группой лиц. Что касается преступлений, совершенных представителем того или иного этноса по мотиву ненависти или вражды, то их целесообразно изучать в рамках общеуголовной преступности. Вместе с тем, объекты, формы, средства осуществления этнопротивоправной деятельности в каждом отдельном случае различны.

Итак, среди существенных предпосылок формирования этнической юридической антикультуры на муниципальном и региональном уровнях следует отметить несовершенство нормативных правовых и подзаконны актов, принимаемых местными и региональными законодательными органами власти. Основные вопросы, которые следует решать указанным органам в области сглаживания и консолидации межэтнических отношений, должны касаться, прежде всего, выработки стратегии развития национально-культурных автономий в муниципалитетах и субъектах Федерации; разработки механизмов нейтрализации политики ущемления экономических интересов отдельных этнических групп; принятия на муниципальном и региональном уровнях обоснованных с криминологической точки зрения программ профилактики экстремизма и терроризма и иных этноделинквентных проявлений.

Видится целесообразным создание в регионах и отдельных муниципалитетах с повышенным уровнем этнической напряженности и конфликтности научных центров по изучению специфики формирования этнической юридической антикультуры, а также по выработке стратегии национально-этнического развития, начиная с муниципального уровня.

Литература:

1. *Бондарев А. С.* Понятие и структура правовой антикультуры // Государственная власть и местное самоуправление. 2010. №9.
2. *Бондарев А. С.* Правовая антикультура в правовом пространстве общества. Пермь. 2006.
3. *Карташов В. Н.* Теория государства и права: учебное пособие для бакалавров. Ярославль: ЯрГУ. 2012.
4. *Новиков Д. В.* Этнорелигиозный экстремизм на Северном Кавказе: методы противодействия: политико-правовой аспект: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук: 23.00.02. М.: РГБ, 2003.
5. Идрис Абдуллах. Ваххабизм: история проблемы // Мусульмане. 2000. №1 (4).
6. *Федоренко К. Г.* Правовой нигилизм: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Н. Новгород, 2001.
7. О реабилитации репрессированных народов: Закон РСФСР от 26 апреля 1991 г. №1107-I. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

References:

1. *Bondarev A. S.* The concept and structure of legal anti-culture // State power and local self-government. 2010. №9.
2. *Bondarev A. S.* Legal anticulture in the legal space of society. Permian. 2006.
3. *Kartashov V. N.* Theory of State and Law: A Training Manual for Bachelors. Yaroslavl: YSU. 2012.
4. *Novikov D. V.* Ethnoreligious extremism in the North Caucasus: methods of counteraction: political and legal aspect: dis. ... cand. jurid. Sciences: 23.00.02. Moscow: RSL, 2003.
5. Idris Abdullah. Wahhabism: the history of the problem // Muslims. 2000. №1 (4).
6. *Fedorenko K. G.* Legal nihilism: the author's abstract. dis. candidate of Legal Sciences.. N. Novgorod, 2001.
7. On the rehabilitation of repressed peoples: Law of the RSFSR of 26 April 1991 №1107-I. Access from the ref.-legal system «ConsultantPlus».